

IN MEMORIAM

С НЕЙ ВСЕГДА БЫЛО ЗАХВАТЫВАЮЩЕ ИНТЕРЕСНО...

*Очерк памяти российского эстетика
Татьяны Анатольевны Акиндиновой*

ЕЛЕНА ПРОТАНСКАЯ

Протанская Елена Сергеевна — доктор философских наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Россия.

E-mail: proels2007@yandex.ru

Этот текст — воспоминания подруги профессора Татьяны Анатольевны Акиндиновой, чья юность и зрелые годы также прошли в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Автор повествует о семье Татьяны — ее матери и отце, годах учебы и работы в разные периоды. Это участие в Литературном объединении Математической школы №30, учеба в Ленинградском университете, на философском факультете и в аспирантуре факультета. Автор воспоминаний так же, как и Татьяна Анатольевна, работала в Институте Холодильной промышленности, где та прошла путь от ассистента до профессора и заведующей кафедрой. Она была уважаемым человеком, к мнениям и оценкам которого прислушивались и ценили коллеги и руководство института. Научная карьера Т. А. Акиндиновой была связана с Институтом философии СПбГУ, с кафедрой этики и эстетики. Сегодня это кафедра культурологии, философии культуры и эстетики. Две диссертации Т. А. Акиндиновой были посвящены эстетике немецкого неокантианства, в особенности Марбургской школы. Главное место в ее научных интересах занимала эстетика Г. Когена. Татьяна Анатольевна была приглашена в Научный консультативный Совет Международного общества Германа Когена. Ведущими темами ученого были также философия природы, искусство и религия, тема культуры Петербурга, который она назва-

ла «Перекрестком культур». По воспоминаниям автора, Т. А. Акиндинова была прекрасным педагогом, на лекции которого студенты приходили иногда даже повторно, глубоким ученым, замечательным организатором. Она умела поддерживать коллегиальные отношения, дружить. В последние годы Татьяна Анатольевна тяжело болела, но продолжала работать, писать статьи, участвовать в работе Института, кафедры, Ученых Советов. В эти годы ею были написаны главы в учебники по Истории эстетики, издававшиеся кафедрой.

IT HAS ALWAYS BEEN EXCITING WITH HER

Elena Protanskaia

DSc in Philosophy, Professor. St.Petersburg State University of Culture and Arts, Russia.

E-mail: proels2007@yandex.ru

Memories of a friend of Professor Tatiana Akindinova, whose youth and mature years also took place in Leningrad-Saint Petersburg. The author tells about the Tatiana's family — her mother and father, years of study and work in different periods. This includes her participation in the Literary Association of the Mathematical School No. 30, studies at the Leningrad University, at the Faculty of Philosophy and post-graduate studies at the Faculty. The author of the memoirs also worked in the Institute of Refrigeration, where T. Akindinova passed the way from the assistant to the professor and the head of the department. She was a respected person, whose opinions and evaluations were listened and valued by colleagues and the institute's management. The scientific career of T. Akindinova was connected with the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University, with the Department of Ethics and Aesthetics. Today this Department is the Department of cultural studies, philosophy of culture and aesthetics. Two theses T. Akindinova were devoted to the aesthetics of German neo-Kantianism, in particular the Marburg School. The main place in her scientific interests was occupied by the aesthetics of G. Cohen. T. Akindinova was invited to the Scientific Advisory Council of the International Society Herman Cohen. The leading themes of the scientist were also the philosophy of nature, art and religion, the theme of St. Petersburg culture, which she called the "Crossroads of Cultures". According to the author's memoirs, T. Akindinova was an excellent teacher, a deep scholar, a wonderful organizer. She was able to maintain collegial relations, make friends. In recent years, T. Akindinova was seriously ill, but continued to work, write articles, participate in the work of the Institute, the Department, the Academic Councils. She wrote chapters in the department textbooks on the history of aesthetics.

*Т.А. Акиндинова
(1945–2018)*

Мне выпало счастье много лет дружить с Таней — Татьяной Анатольевной Акиндиновой. Ее утрата тяжела. Для меня ее тепло и участие — невозполнимы. Сейчас я все время вспоминаю наши с ней разговоры, поездки, совместные встречи с общими друзьями и думаю, что она была в моей жизни самым добрым, самым глубоким, бесконечно дорогим человеком. Мы написали вместе несколько статей (а в молодости даже фантастический рассказ), я слышала ее выступления на конференциях, однажды была на ее лекции и очень жалею, что это было всего один раз.

Татьяна Анатольевна родилась в 1945 году незадолго до Победы. Родители ее очень любили друг друга, и она говорила, что в этом ей очень повезло: в доме царило согласие и внимание друг к другу. Старшая сестра Татьяны Ирина Анатольевна (сейчас на пенсии) — высококлассный корректор — много лет работала в типографии им. И. Федорова. Старший брат, Евгений Анатольевич (ум. В 2006 г.) — инженер — работал на заводе и был капитаном яхты в Ленинградском яхтклубе. Она вспоминала также, что урок достоинства ей дала мать — Алевтина Александровна Успенская, когда Тане было 4 года. Соседка на коммунальной кухне пекла пирожные к празднику. Одна корзиночка поломалась, и она кусочки на блюдечке предложила Тане. Та взяла, а мать строго сказала: «Не ешь, верни, имей достоинство!» А соседке объяснила: «Хотите угостить ребенка, угостите, а обломки давать не надо!» Она говорила, что запомнила это на всю жизнь, часто вспоминала и была благодарна матери. Она стала человеком, которому было не свойственно «подсуетиться» для карьеры, бонусов или привилегий... Мать Тани однажды рассказала, что впервые дочку философом назвал сосед по коммунальной квартире. Глядя на соседку, которая время от времени обесцвечивала волосы, 4-летняя Таня со вздохом произнесла: «Плохо нам с тобой, Клава, макушечки-то у нас

темнеют...» Удивившись такой наблюдательности и отзывчивости ребенка, сосед заметил: «Философ растет!» Так оно и вышло. Отец Татьяны Анатольевны в блокаду работал в разведке в Ленинграде, выводил людей из окружения. Соседи по коммуналке считали его святым, поскольку он всю блокаду подкармливал одну семью, которая благодаря этому выжила. Отец возил детей в пригороды, учил фотографии, поощрял интересы, помогал в учебе. Татьяна Анатольевна рассказывала, что однажды ей что-то было непонятно в задании по физике, и отец сказал ей: «А ты представь себе...» — и ей как будто все открылось. После войны отец Тани был преподавателем в техникуме. У Татьяны было замечательно развито воображение... с детства она любила и прекрасно освоила езду на велосипеде, объехав с друзьями и одна не только весь город, но и окрестности. С годами она окрепла и была отобрана в команду школы по легкой атлетике. В школе она прекрасно училась и по окончании поступила на философский факультет на заочное отделение, поскольку после школы на очное отделение на философский не брали — надо было иметь два года стажа. Она зарабатывала их в Ленгазе, дежуря сутками «на телефоне» по тревожным звонкам. Эти ночные дежурства подорвали ей здоровье.

Познакомились мы в ЛИТО, литературном объединении в 30-й (математической) ленинградской школе, которое вел талантливейший педагог и ученый, писатель — Герман Николаевич Ионин. Он был молод, на 8-10 лет старше своих учеников, еще не женат. Сын художника Ионина, племянник художника Самохвалова, выросший в интеллигентской среде, широко образованный, к тому времени, уже, к сожалению, осиротевший, он всю энергию молодости отдавал работе: нам, своим ученикам, и науке — литературоведению. Он заразил нас любовью к творчеству Г. Р. Державина, которым занимался, возил в его имение на Званку, где была написана поэма «Жизнь званская», мы проводили литературные вечера, выпускали стенгазеты, оформлять которые нам помогал друг Германа Николаевича — профессиональный художник Платон Швец. Мы слушали пьесы Ростана, «Божественную комедию» Данте, которые читал нам Г. Ионин на заседаниях ЛИТО, проходивших во время каникул, а также его лекции о русской и зарубежной

литературе, обсуждали стихи и прозу, которые писали сами, выступали на радио и телевидении, отмечали праздники, танцевали до упаду... Когда Тани не стало, я написала 82-летнему Герману Николаевичу и получила в ответ пронзительные слова: «Больно так, что сказать не могу. Помню юность нашу. Вижу вечно юное для меня лицо Тани. Горько мне переживать все несбывшееся в нашей жизни...».

Таня Акиндинова была, если можно так выразиться, — «звездой» ЛИТО. В ее суждениях о литературе и искусстве искренность сочеталась с тщательностью, интересом к деталям. У нее был прекрасный слух. Перейдя на дневное отделение, она пела в хоре Сандлера и гордилась тем, что маэстро дважды благосклонно на нее посмотрел на спевках.

Когда ей было 21 год в октябре ночью ее отец внезапно умер от инсульта. В 33 года она так же внезапно потеряла (инфаркт) мать и потом всегда боялась внезапного ухода близких... Она очень ценила жизнь и все, что в ней есть.

Мы подружились летом в пионерлагере, куда я пригласила на работу друзей из ЛИТО. Я работала пионервожатой в школе и была командирована на лето в пионерлагерь, набор кадров тоже был поручен мне. Мне было 19 лет, Татьяне — 20. Таня в юности прекрасно пела, рисовала, лепила... Она была принята на работу зав. клубом лагеря. Ей пришлось вести хор, фото- и изокружок, театральную студию. В лагере она была окружена детьми разных возрастов, со всеми сумела наладить контакт, они к ней тянулись, как потом и всегда, чувствуя ее искренний интерес, внимательность к ним. И дети там были очень хорошие — их родители работали в институте Механобр, они были выдумщики, азартные. Все 200 ребят пели хором (песня «Орленок» была лагерной, так назывался пионерлагерь), участвовали в выставках рисунков и букетов, в конкурсах. Яркими событиями были праздники: «Малый форум мира», «Праздник цветов», «День Нептуна». 22 июня в День памяти и скорби мы разбудили лагерь в 4 утра и повели в лес на место боев, там была линейка. Все эти события мы накануне обсуждали все вместе с другими «литовцами» по вечерам после отбоя, а с Таней подолгу отдельно, поскольку она организовывала творческую часть.

Это были шестидесятые годы, время «оттепели», надежд. Для нас, ее друзей, было полным откровением, когда она, пройдя в университете курсы политэкономии капитализма и социализма, прочитав работы классиков марксизма, вдруг сказала нам: «Знаете, я поняла, что социализм обречен». И убедительно показала нежизнеспособность плановой экономики, тотального контроля и пр. Мы зачитывались самиздатом, который кто-то привозил или перепечатывал, читали «Чонкина» Войновича, «Доктора Живаго» Пастернака, «Архипелаг Гулаг» Солженицына, дарили друг другу перепечатки сборников поэтов, которых было не достать в продаже: Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой...

Наша дружба происходила в разговорах, спорах, после занятий, в редкие выходные (я работала и училась вечером, по субботам — целый день в «Публичке»). В 1966 году мои родители с младшей сестрой уехали, в связи с переводом отца на работу во Фрунзе. Таня и ее мать Алевтина Александровна как-то сразу стали меня опекать. В скромной комнате коммунальной квартиры на первом этаже Толстовского дома на улице Рубинштейна всегда было очень чисто, натерт паркетный пол, на буфете — вышитые салфетки, на круглом столе в центре сразу появлялась какая-то еда: прозрачный супчик, жареная картошечка, еще что-то, и всех всегда угощали, и все друзья и подруги шли сюда почти каждодневно. Здесь жила и бабушка Тани, часто оставалась малолетняя дочь ее сестры, уезжавшей поваром в дальнее плавание на корабле. Никто, кроме Тани, не знал, что ее мама часто ходит в ломбард, отдает туда то ложку, то серебряную подставку от вазы, чтобы хватило на прокорм всех... Я, как могла, участвовала, но и мои возможности были скромны. Как и все, я гонялась за книгами, стояла (иногда с Татьяной попеременно) сутками и ночами в очереди на подписку какого-нибудь писателя. Так, за собранием сочинений Гете мы стояли три дня и три ночи, с пятницы по понедельник, но подписка нам так и не досталась¹.

---

¹ Это собрание много позже преподнес Татьяне Анатольевне в дар один из ее учеников, также выпускник кафедры этики и эстетики, защитивший под ее руководством в 2017 году докторскую диссертацию, Артем Евгеньевич Радеев.

Вообще интерес к Гете у Татьяны Анатольевны сложился в юности и прошел сквозь всю жизнь. Она любила Гете за «Вертера..», за «Вильгельма Мейстера», и в том числе, за его благоговение перед тайной природной стихии, писала о нем статьи. Всегда любовалась дымкой, окутывавшей деревья перед появлением листвы, восхищалась густой листвой, цветниками разнотравья. Любила стихи Есенина:

Душа грустит о небесах,
Она не здешних нив жилица.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.
То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.
Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
Так кони не стряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну..
О, если б прорасти глазами,
Как эти листья, в глубину.

Позже она откроет глубину понимания Фауста в фильме А. Н. Сокурова... Они с Е. Н. Устюговой будут писать статью об этом... Сложное для восприятия искусство Сокурова Таня любила за глубину и стройность, за то, что его герои органичны в контексте природы, стремилась расшифровывать его символику, пересматривая фильмы, делая записи... Среди научных интересов Татьяны Анатольевны увлечение философией природы было наиболее продолжительным. Она говорила, что благодаря Гете открывала для себя непостижимость природы, ее многоликость, богатство, дивилась чудесности ее, несопоставимой ни с чем, что творят люди. И приводила в пример — даже простую ранку на коже, к которой устремляются лимфа, густеет кровь, образуется пленка и т. п.

С Таней было всегда захватывающе интересно. Я навсегда запомнила совместный с ней просмотр фильма А. Куросавы «Расемон» по новелле Акутагавы на утреннем 10-часовом сеансе в кинотеатре «Знание» (ныне «Кристалл-Палас»). После фильма мы отправились к ней домой, дело было летом, дома

никого не было, и целый день (!) мы проговорили об этом фильме, о его загадке: кто же был убийцей и как на самом деле вели себя герои, каждый из которых на суде говорит разное. Такие совместные сеансы и обсуждения помогали не только запомнить сюжет, но и детали, сцены, попытаться проникнуть в замысел. Так же мы вместе смотрели фильм С. Утикавы «Гений дзюдо», тоже снятый по сценарию Акутагавы, но, хотя говорили о нем меньше, я помню, что нас обеих поразила красота фильма и сосредоточенность героя на идеологии борьбы... Вообще у Татьяны Анатольевны был не только талант восприятия — она запоминала диалоги, сцены, ракурсы, и в первые же годы преподавания у нее постепенно сложилась своя концепция восприятия видов искусства, специфики их образности, различия критериев оценки. Так, она открыла и показала мне на примерах классических произведений, что в живописи главное средство образности — колорит, свет, а не сюжет, рисунок — в графике, в музыке — полифония, в кино — монтаж и единство изображения и звука. Ее замечания о трудности автопортрета и самовосприятия в искусстве и жизни (истинный мастер — Гольбейн! — говорила она), о разнообразии форм национальных вариантов искусства всегда были очень образны и интересны. Она находилась под большим впечатлением от творчества Р. Ингардена, книга которого вышла в 60-е гг в русском переводе². Его идеи вдохновили её и были развиты в статьях, а затем и в диссертации. Кумирами её в юности были также Н. Гартман, Л. С. Выготский, Э. О. Ганслик, но, в первую очередь, И. Кант и его эстетика. Она стремилась научить студентов воспринимать, чувствовать эмоциональный мир художника. На свои лекции всегда тащила неподъемные сумки с томами художественных альбомов, которые покупала, где только могла, а также ей их дарили друзья и родственники. Появление электронных ресурсов стало для Татьяны Анатольевны в прямом смысле большим облегчением... Хотя я по образованию филолог, но и в литературе мои вкусы и интересы сложились отчасти под ее влиянием. Но к моим рассуждениям о литературе, моим курсовым и диплому у нее тоже были внимание и интерес, она пришла

² Имеется в виду издание: *Ингарден Р. Исследования по эстетике* (М.: Издательство иностранной литературы, 1962).

на защиту моего диплома, как потом и на обе защиты диссертаций.... Вообще она умела слушать и слышать...

В университете Татьяна очень ценила лекции М. С. Козловой, М. А. Кисселя (он потом был ее оппонентом по кандидатской диссертации), М. С. Кагана, З. Н. Мелещенко. Благодаря этим преподавателям, учившим бережному отношению к источникам, она стала знатоком истории философии и определила свои научные интересы в области истории эстетики. По поводу преподавания Зои Николаевны у Татьяны была история. Мелещенко задала студентам прочитать «Феноменологию духа» Гегеля и написать свои комментарии. Таня занялась заданием вплотную: перестала посещать занятия, закрылась в комнате общего пользования, читала, делала пометки, на звонки отвечала односложно: «да» или «нет». Тетрадка с комментариями была ею сдана, но не подписана. На лекции Мелещенко несколько раз похвалила «анонимуса», процитировала его комментарии, просила подойти. Татьяна смущенно подошла после лекции.

Уже в студенческие годы у Татьяны сложился стойкий научный интерес к истории немецкой эстетики. После окончания она поступила на работу в Холодильный институт, откуда была рекомендована в аспирантуру факультета. Ее научный руководитель М. С. Каган предложил тему: «Эстетика в ГДР». Узнав о ее решении писать работу по истории эстетики немецкого неокантианства, Моисей Самойлович усомнился, что такую работу разрешат писать, но поддержал намерение, и она сформулировала, в духе всех советских работ по «буржуазной философии», тему «Критика эстетики немецкого неокантианства», которую Совет утвердил. Она написала работу и блестяще защитилась на месяц раньше срока окончания, получив за это премию.

Став впоследствии научным руководителем студентов и аспирантов, Татьяна Анатольевна всегда была внимательна к их научным интересам, давала высказаться, проявить себя, вела диалог, предлагая порой неожиданные ракурсы, помогала сформулировать тему, вычитывала работы, помогала редактировать...

Со студентами у Т. А. Акиндиновой складывались коллегиальные отношения, с аспирантами, которые защитились под ее руководством — сердечные. Наталья Пицуха, Татьяна Горячева,

Артем Радеев, Артем Тылик бывали в доме Татьяны Анатольевны, звонили ей и после защиты, поздравляли с днем рождения, и она радовалась каждому контакту, их успехам, переживала за их проблемы, беспокоясь о их здоровье и делах...

Мама Татьяны Анатольевны дожила до защиты ее первой диссертации в апреле 1977 г. Защита состоялась при полном зале Ученого Совета. Итог праздника был «всенародным»: Тане надали цветов, что было редкостью, а на обед пришло человек тридцать, как минимум. Однако после всех отмечаний через месяц выяснилось, что защита была недействительна, так как секретарь ученого совета не обратила внимания, что оба оппонента были с одного и того же факультета (М. А. Киссель и Г. П. Выжлецов). Поэтому вскоре была назначена пере-защита, что воспринято было всеми нами с ужасом, но самой диссертанткой было перенесено с присущей ей стойкостью. Вторая защита была не менее яркой. Вместо Г. П. Выжлецова со свойственным ему красноречием выступил профессор А. И. Новиков.

С Моисеем Самойловичем Каганом был разговор о вступлении в КПСС, которое ей далось непросто. В то время для многих членство в партии значило карьерный рост, но требовало абсолютного подчинения партийной дисциплине. Это не вязалось с натурой Татьяны, но Каган убедил, что вступление в КПСС — единственная возможность остаться в профессии. Моисей Самойлович был марксистом по убеждениям, но на личном опыте знал, что такое критика на партийном собрании, в научной жизни. Вступление в КПСС прошло настолько гладко, Татьяна Анатольевна так уверенно ответила на все вопросы не только на партсобрании, но и в райкоме, что ее, молодого кандидата наук, пригласили в райком на работу, пообещав в скором времени предоставление отдельной квартиры... Это было более чем заманчиво — с первого этажа коммуналки оказаться в новом зеленом районе, иметь свою комнату... но к удивлению сотрудника райкома Татьяна на другой день по телефону ответила отказом. Желание своей дочери не «служить партии», а преподавать поняла и ее мать. А вскоре им повезло: Татьяна смогла обменять свою комнату на бóльшую в том же доме на четвертом этаже со сравнительно

небольшой доплатой. Когда Татьяна получила подтверждение защиты из ВАК, она достала вазу с серебряной подставкой, приклеила подставку намертво, сказав матери: «Больше ты в ломбард не пойдешь никогда!»

Но это относительное благополучие длилось, к сожалению, совсем недолго. Они с мамой переехали с первого этажа на четвертый в том же «Толстовском» доме на улице Рубинштейна. Но 8 апреля 1979 Таниной мамы не стало. Накануне ее похорон школьная подруга Тани, с давних пор имевшая проблемы в своей семье и часто бывавшая в Танином доме, сообщила нам, что беременна, и попросила помощи в воспитании ребенка, так как его отец с самого начала дал понять, что на него рассчитывать не надо. Мальчик Миша рос в нашей компании как общий сын. Поначалу многие, даже мужчины, приезжали стирать пеленки, привозили фрукты, потом остались только мы. Стало ясно, что мать-одиночка одна справиться не в силах, а позже ей диагностировали заболевание психики. Десять следующих лет Таня почти ежедневно бывала в их доме, укладывала Мишу спать, купала, кормила, водила гулять. Летом Мишу отправлялся с нами на дачу, мы брали его в наши совместные поездки в Крым и Прибалтику. Позже, вспоминая эти годы, мы всегда приходили к выводу, что время и силы ушли во благо — ведь без нас этот ребенок мог и не выжить... Когда Тани не стало, я стала искать Мишу в социальных сетях... и узнала, что он ушел из жизни за два месяца до нее...

Но эти заботы и тревоги за жизнь и здоровье ставшего ей дорогим ребенка, привязавшегося к ней, Татьяна сочетала с интенсивной научной жизнью, написанием статей, подготовкой новой диссертации. Моисей Самойлович Каган был ее консультантом также и по докторской диссертации, с ним отношения были и коллегиальные, и дружеские. Он приглашал Татьяну Анатольевну в свои проекты — учебники по истории эстетических учений, на конференции. Отношение к Кагану у Татьяны было трепетным, она любила его слушать, ценила его служение науке, оригинальность подходов, фундаментальность трудов, хотя и не всегда соглашалась с ним. Когда Моисея Самойловича не стало, его вдова, Юлия Освальдовна, сотрудник Эрмитажа, известный исследователь истории камней в рос-

сийском собрании, предприняла издание собрания сочинений М. С. Кагана. Ею было задумано последний том посвятить воспоминаниям о нем его друзей, учеников, поместить фотографии. В этой работе ей помогала Татьяна Анатольевна, они часто встречались, собирали и обсуждали присланные материалы. Когда встал вопрос об издании и у издательства возникли финансовые трудности, обе внесли свои средства, которые впоследствии не вернули, но Татьяна никогда об этом не жалела, говоря, что и еще бы дала, если бы было надо. У Татьяны Анатольевны с Юлией Освальдовной сложилась дружба, они перезванивались, Татьяна навещала ее. Юлия Освальдовна была очень опечалена известием об уходе Татьяны Анатольевны и сказала мне, что без Тани она не смогла бы сделать такой книги, как девятый том собрания сочинений М. С. Кагана, эпиграфом к которому по их согласию были выбраны слова «пространством и временем полный» из любимого Таней стихотворения О. Мандельштама.

Татьяна Анатольевна работала ассистентом на кафедре философии Холодильного института которой руководила доктор философских наук, профессор Изиды Пантелеймоновны Чуева. Мы с ней работали на этой кафедре по очереди: когда она ушла в аспирантуру, меня приняли на работу заведующей кабинетом по ее рекомендации, когда я ушла в аспирантуру, Татьяна вернулась, выйдя из аспирантуры, а я перевелась в СПбГИК.

С И. П. Чуевой у Татьяны сложились хорошие, дружеские отношения, через несколько лет та предложила ей докторантуру, за время которой Татьяна Анатольевна собрала большой материал по Марбургской и Баденской школам неокантианства, перевела с немецкого ряд работ Германа Когена, но завершить диссертацию не успела. И через год после выхода Татьяны на работу Ирина Пантелеймоновна предложила ей еще полгода для завершения работы и защиты в институте повышения квалификации философов. Татьяна Анатольевна сначала отказалась, что очень удивило руководительницу. Она сказала: «Это первый случай в моей практике, чтобы человек отказывался от ИПК». Но Татьяна объяснила мне, что ей сначала показалось авантюризмом дать обещание все сделать за полгода. Но позже она все-таки согласилась. И за полгода

дописала диссертацию, выпустила книгу, обсудилась и защитилась. Надо сказать, что обязательность была ее отличительной чертой, но перегрузки подрывали здоровье. Вместе с тем, пожалуй, в этом — в обязательности — схожи все ученики М. С. Кагана — Э. П. Юровская, В. В. Прозерский, Е. Н. Устюгова, А. А. Грякалов, Н. Н. Суворов...

Постепенно в Холодильном институте Татьяна Анатольевна заслужила всеобщее уважение и студентов (даже на ее факультативные курсы, по которым не было даже зачета, в аудиторию приходили целыми потоками), и аспирантов, и коллег, и ректора... в начале 90-х, когда в стране шла Перестройка, многие в институте растерялись. Ректор пригласил Татьяну Анатольевну в кабинет и попросил прочитать лекцию о причинах и ходе происходящего. Собрался полный актовый зал, и все слушали ее целый час, затаив дыхание: об обреченности коммунистической модели, неизбежности рыночных отношений, конкуренции...

В это время в коммунальной квартире Татьяны Анатольевны освободилась комната. По советским законам как профессор она имела право на вторую комнату — кабинет, хотя получить ее было, мягко говоря, непросто. С заявлением в администрацию Татьяна Анатольевна пришла в кабинет к ректору, чтобы получить подпись. Он сказал ей: «Заявления мало, надо хлопотать, оставьте мне заявление». Ректор дважды звонил, потом сам пошел в райком и добился получения Татьяной Анатольевной второй комнаты. Это реально продлило ей жизнь. Она смогла с соседями продать квартиру в центре города и получить деньги, которых хватило и на покупку отдельной квартиры, и на лечение...

В процессе работы над докторской диссертацией Татьяна Анатольевна выделила для себя стойкий интерес к Марбургской школе неокантианства и ее главе Г. Когену. В наших разговорах она открыла мне существо его понимания эстетического чувства: любование, боль, «вчувствование» художника в объект, и я по-другому стала воспринимать искусство, особенно изобразительное.

Татьяна увлекательно рассказывала мне о влиянии Когена на русскую культуру через учеников и последователей:

Б. Пастернака, М. Пришвина, С. Рубинштейна. В одной из отпускных поездок мы читали вместе «Кашееву цепь» М. Пришвина и Таня показывала мне следы этого влияния...

Будучи приглашенной на юбилейную конференцию по философии Канта в Калининград, она выступила там, вызвав интерес к своему сообщению у директора Вроцлавского института философии К. Баля, с которым у нее потом сложились дружеские отношения. Баль предложил Татьяне стать посредником

*Научная дискуссия с коллегами
(слева направо: Е.Н.Устюгова, Т.А.Акиндинова, В.В.Прозерский)*

в заключении договора двух университетов, что она и сделала, положив начало связям философов двух стран, обмену, совместным конференциям. Татьяна Анатольевна. была хорошим организатором, ей удавалось проводить с коллегами конференции, в которых устанавливалась редкая атмосфера внимания к идеям, дух теплоты и дружественности. В 2012-ом прошла конференция «Проблемы культуры в российской и польской научной мысли». У нее сложились также

замечательные отношения с Я. Красицки, Л. Миодоньским, другими польскими коллегами.

Начиная с 1993 года каждый отпуск мы на десять-пятнадцать дней вместе отправлялись в путешествие. Первым был Стокгольм, потом Афины — город великих философов. Приехав на Агору, поднявшись к Парфенону, прогуливаясь по улице Сократа, слушая звуки Сиртаки в вечернем воздухе набережных Эгейского моря, мы забывали обо всем, восторженно глядя друг на друга и понимая общие чувства без слов. Париж, Венеция, Барселона, Милан, Биариц, Сан-Себастьян. Маршруты всегда предлагала она. И всегда это было очень интересно.

Татьяна много рассказывала мне о Марбурге, в 2004 г., когда мы планировали совместный отдых, решили поехать в Марбург и мы это осуществили в год ее 60-летия в 2005. Это была замечательная поездка, наша гостиница была в самом центре — на Ратушной площади этого уютного городка, мы с Татьяной ходили по улице, где студентами жили Виноградов и Ломоносов, гуляли «тропой Г. Когена». После этого как-то вскоре сложилось, что Татьяну стали приглашать на конференции в Германию, она ездила с докладами в Косвиг в 2008 году, в Марбург в 2010, в Гейдельберг в 2015.

Ее мечтой была организация конференции памяти Когена, и она ее осуществила в 2014 г. В честь 100-летия присуждения Когену звания почетного профессора СПбГУ. 29-31 мая 2018 г. в Институте философии состоялась Международная конференция «Рационализм и мистика в еврейской философии: источники и контексты», одно из заседаний которой (30 мая) было посвящено Г. Когену, а часть его — и памяти Татьяны Анатольевны Акиндиновой — члена Научного консультативного Совета Международного Общества Германа Когена. На этом заседании с воспоминаниями выступили друг и коллега Татьяны Анатольевны профессор Е. Н. Устюгова, а также автор этих строк.

Мы жили относительно недалеко друг от друга. В 2002 г. однажды утром она позвонила и сказала, что с утра болит голова и вдруг спросила: «Можно я приду к тебе?» Она пришла через полчаса, сказала, что боль только усилилась, легла на диван, я вызвала скорую, ее госпитализировали с диагнозом: микроинсульт.

В 2003 году Татьяна Анатольевна перенесла онкологическую операцию. Это была первая стадия заболевания, но принимать профилактические лекарства она не могла из-за перенесенного инсульта. Э. П. Юровская посоветовала обратиться к гомеопатам, которые вылечили ее дочь. Татьяна стала делать себе уколы в течение пяти лет почти ежедневно.

В 2008 году мы, как всегда, летом две недели проводили в поездке, нашей мечтой был музей Прадо в Мадриде. Но сначала отдыхали в Сан-Себастьяне. Прекрасный городок в уютной бухте, напротив которой остров с установленным на вершине памятником Св. Себастьяну подарил теплые, нежаркие дни, купания, поездки вдоль моря на велосипеде. Незадолго до нашего отлета домой прошел дождь и Татьяна упала с велосипеда, поскользнувшись на мокром листе. К несчастью, это падение окончилось переломом ноги. В больнице ей предложили немедленную операцию, она согласилась. Через два дня после операции и пребывания в клинике интенсивной терапии Татьяну выписали, а на следующий день мы прилетели в Мадрид. В гостинице я узнала, что в Прадо есть инвалидные кресла и мы приняли решение ехать в музей. Такси остановилось метрах в ста пятидесяти от входа, я пошла за креслом, но охранник запретил мне его выкатить из дверей. Таким образом на четвертый день после операции под палящим солнцем Татьяна Анатольевна должна была добраться на костылях до музея или отказаться от его посещения. Она решилась попробовать. После признавалась, что это было одним из самых трудных испытаний в ее жизни. Тем не менее, музей мы осмотрели, я возила ее, она время от времени просила остановиться около одной или другой картины. Нашей мечтой было посмотреть Гойя, Эль Греко, Боттичелли, Рафаэля...

Летом 2011 года Татьяна Анатольевна почувствовала боли в костях, диагностика показала метастазы. Она возобновила лечение, стала принимать специальные лекарства. Это была борьба за годы и месяцы жизни, но Татьяна продолжала преподавание, вела интенсивную научную работу, писала статьи, работала с аспирантами.

Одной из излюбленных тем Татьяны Анатольевны, выросшей в статье, курсы для студентов, книгу, была тема

взаимоотношения культуры и религия, и как следствие — религии и искусства. Я впервые услышала об этом ее интересе, когда мы вместе преподавали в Институте им. Р. Валенберга. В ее кратком изложении я увидела стройную концепцию фундаментальной роли религии в формировании своеобразия этнокультурной специфики искусства, науки, морали и других традиций народа. Она живо и образно показала, как из храма, из ритуала «вышли» все виды и жанры изобразительного и музыкального искусства, театральное действо, как храмовая архитектура отражала мировоззрение верующих разных конфессий. В то время это было для меня и для многих открытием, ведь религиозное возрождение на постсоветском пространстве только начиналось. Татьяна объясняла мне, что в арабском мире, где изображение лица пророка запрещено, а молитва не переведена с арабского, искусство орнаментально, поэтому так развито искусство ковроткачества. Различия в традициях христианского искусства она объясняла также различием догматики, что прекрасно описано потом ею в учебниках по эстетике.

Кроме того, увлекавшись балетом и собрав по нему целую полку книг, она рассказывала мне об истории танца в Индии, где он был частью храмового ритуала, о влиянии его на другие виды искусства. Мы смотрели с ней многие балеты в Мариинском, Михайловском, Эрмитажном театрах. Когда к ней пришел поступать в аспирантуру Антон Амашукели, работавший хореографом, она предложила ему тему «Танец в христианской культуре», и он очень увлекся. Татьяна Анатольевна умела вдохновлять своих аспирантов. Он погрузился в историю балета, присылал материалы, приезжал к ней, и они обсуждали статьи, его поездки на конференции в европейские страны, где тема встречала неподдельный интерес коллег. Вскоре Антон заболел, ему диагностировали рак легких, он лечился, но однажды Татьяна Анатольевна получила письмо от его жены с сообщением об уходе Антона из жизни и с рассказом о том, что он работал над рукописью до своей последней минуты. Вдова прислала рукопись его неоконченной диссертации с просьбой к Татьяне Анатольевне каким-то образом обнародовать этот текст. Для Татьяны это было тяжелой утратой. Она написала статью с некрологом в «Вестник» СПбГУ и стала

работать над текстом Антона. В течение нескольких месяцев она дополнила и отредактировала материалы А. Амашукели, соединила со своими наработками и издала под двумя фамилиями «Танец в христианской культуре»³.

Татьяна Анатольевна любила Санкт-Петербург, его замысел и воплощение. Красоту нашего города она также объясняла тем, что замысел города родился у Петра I под влиянием поездок как в католическую, так и в протестантскую Европу, в результате чего приглашаемые для строительства города архитекторы принадлежали к разным вероисповеданиям, поэтому здесь столько разных прекрасных храмов, архитектурных шедевров разных направлений. В 2002 году после беседы с консулом Франции, который предложил написать и издать книгу «Французы в Петербурге» я поделилась с Татьяной Анатольевной идеей издать серию путеводителей о представителях разных народов, помогавших строить наш город, живших здесь. И она сказала тогда: «Да, Петербург — перекресток культур!» Это дало название серии путеводителей и видеофильмов, выпущенных к 300-летию СПб и к саммиту G8 в 2006 году. На этих событиях присутствовали тысячи журналистов, проект стал популярен и были допечатки, в частности, в ходе саммита. С легкой руки Т. А. Акиндиновой с тех пор выражение «перекресток культур» стало идиомой, оно часто звучит в новостях, в документальных фильмах о разных городах.

Однажды коллега Татьяны А. Г. Погоняйло предложил ей написать статью об Исаакиевском соборе для одного испанского журнала, и она написала, на мой взгляд, одну из лучших своих работ: «Врата веры», об изображениях на створах Исаакиевского собора. От испанской стороны поступило предложение издать книгу, но здоровье Татьяны Анатольевны, к сожалению, не позволило ей осуществить этот замысел.

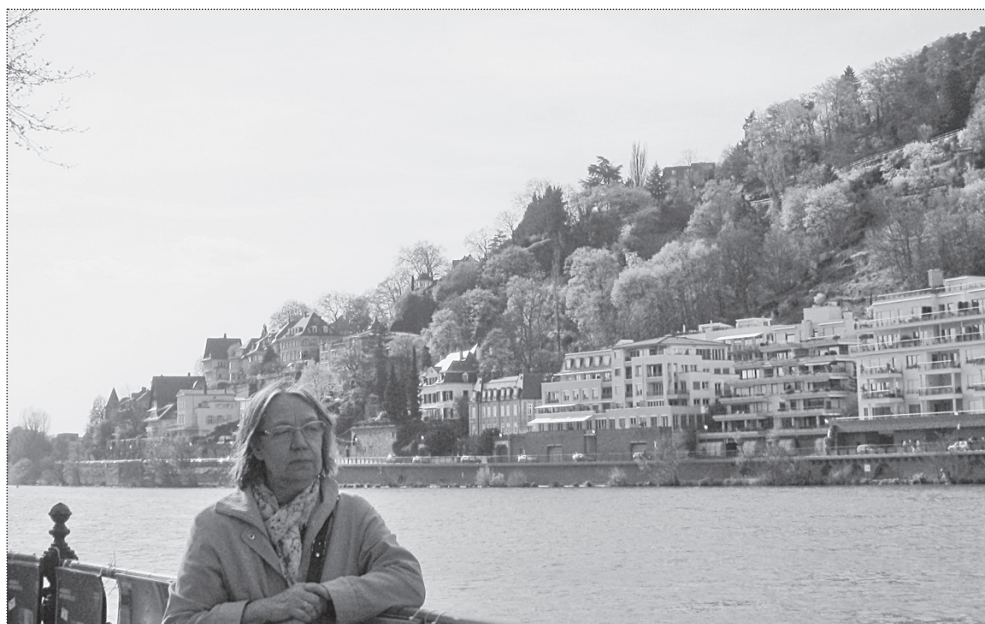
Интересы Татьяны Анатольевны в науке были также связаны с проблемой влияния религии на менталитет народа — об этом она написала статьи, посвященные фильму Александра

---

³ Книга переиздавалась дважды: Акиндинова Т.А., Амашукели А.В. Танец в традиции христианской культуры. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2014. — 233 с.; Акиндинова Т.А., Амашукели А.В. Танец в традиции христианской культуры. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. — 239 с.

Аскольдова «Комиссар», а также последняя ее опубликованная статья в сборнике по материалам конференции «Русский логос». Религиозную традицию Татьяна Анатольевна рассматривала как матрицу, определявшую направление и характер развития культуры. Так, в христианстве, полагала она, идея ограниченности земной жизни, (в отличие, скажем, от буддизма) сформировала деятельное стремление к *воплощению* замысла, мечты, чаяния в жизнь *здесь и сейчас*, умение ценить *неповторимость* каждого *момента* бытия, придавшее европейцам энергию созидания. Этим можно объяснить, что благодаря христианской традиции мир получил такой мощный рывок цивилизации. Она часто повторяла: Европа такая маленькая, но весь мир смотрит сюда — кто с завистью, кто с надеждой, все хотят видеть и понять, почему они так много успели...

Вообще у Татьяны Анатольевны сложился стиль такого концентрированного научного письма, что нужно было их по несколько раз перечитывать, чтобы понять все обилие мыслей и смыслов. Тем не менее всегда выстраивалась стройная концепция. Это чувствовали и студенты, и аспиранты, некоторые из них приходили на ее курсы повторно, иногда

На семидесятилетие: командировка в Лейпциг

с друзьями. Однажды её лекцию на филологическом факультете услышала доцент кафедры истории зарубежных литератур Л. Н. Полубояринова (ныне профессор и заведующая этой кафедрой) и попросила разрешения присутствовать на ее курсе. Татьяна Анатольевна рассказывала, что это ее смутило такое внимание, однако она согласилась, так началась их дружба. Интерес к истории философии, истории эстетики, подвижническое служение науке Татьяна Анатольевна восприняла, в частности, от В. В. Прозерского, который руководил ее дипломом. Яркий лектор, Вадим Викторович завораживал энергией, множеством фактов, своим юмором, у них сложились дружеские отношения, которые они сохранили до конца ее жизни. Татьяна Анатольевна очень ценила также отношения с Ю. В. Перовым, который инициировал приглашение ее для работы на философский факультет, также с Ю. Н. Солониным, деканом факультета, с большим теплом и уважением к ней относившимся. Она дорожила сказанной как-то в коридоре фразой Ю.Н.Солонина. Во время последней встречи в коридоре философского факультета исхудавший и бледный Юрий Никифорович с горечью тихо сказал Татьяне Анатольевне: «Доживаю...» Уход из жизни Моисея Самойловича Кагана, а потом — Юрия Валериановича Перова и Юрия Никифоровича Солонина были тяжелым ударом для Татьяны Анатольевны. Она часто говорила, что остро ощущает их отсутствие...

Татьяна Анатольевна Акиндинова — дорогой мне человек, она всегда была искренна, с ней везде было хорошо и необыкновенно интересно, мне дороги ее отзывчивость ко мне и моим близким, душевная тонкость, жизнелюбие, остроумие. Она умела всем делиться и во всем помогать... Она всегда подавала нищим, никогда не делала пакостей за спиной...

В 2016 году летом она прошла шестнадцать процедур химиотерапии, после одной из них было страшное осложнение, неделю врачи буквально боролись за ее жизнь, улучшение наступило 19 июля — в день рождения матери Тани Алевтины Александровны. Весной 2017 года здоровье снова ухудшилось, вновь начались процедуры, но с сентября Татьяна Анатольевна начала слабеть. Тем не менее она каждый день разговаривала по телефону с сестрой, переживала за простуды племянницы,

и каждый день напоминала мне: «Прими лекарство!» и глядя на ее бодрый настрой и готовность сопереживать близким, мы все продолжали надеяться...

До последнего дня она была человеком долга. В сентябре она опубликовала последнюю статью, написав ее лежа, в декабре, за два месяца до ухода, составила последний свой отчет члена ученого совета...

У Тани был талант лектора, яркий интеллект и добросовестность истинного ученого. Все, что она делала, она старалась сделать хорошо, не любила формализм. У нее был также человеческий талант: чувство жизни, внимательность и интерес к людям любого положения и возраста, умение сострадать. Многим людям с ней хотелось поделиться сокровенным, наболевшим, она слышала людей, умела утешить, поддержать...

Таня любила поэзию. На праздники вместе с поздравлениями ее друзья ей часто присылали свои стихи. Она и сама писала стихи. Один наш общий друг прислал мне после ее смерти стихотворение, некогда посвященное ему:

* * *

Кто ты: брат мой, возлюбленный
или прохожий,
судить я не хочу:
Какая важность!
Лишь взглядом обменялись
да спелой ягодой, а слово
едва успели проронить —
Беспечально уже расстались.
Но на пригорке сидя с книгой,
что вместе не прочитали мы,
вдруг замру, угадав среди вершин
по темным клубам то озеро,
где час назад купались...
Значит, не делится душа на части —
больше, меньше, —
и с протянутой ладонью
ее всегда мы без остатка отдаем?
И кто нам скажет, отчего
нам одиночество желанно,
и каждый дорог,
как единственный из всех...

3 августа 1975 года

А в декабре, когда мы вместе с Е. Н. Устюговой и Л. П. Мозговым по обычаю встретились на Рождество западных христиан, Таня предложила всем нам прочитать свои любимые стихи и прочла стихотворение Осипа Мандельштама:

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.
Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни:
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.
После чаю мы вышли в огромный коричневый сад,
Как ресницы, на окнах опущены темные шторы.
Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград,
Где воздушным стеклом обливаются сонные горы.
Я сказал: виноград, как старинная битва, живет,
Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке:
В каменистой Тавриде наука Эллады — и вот
Золотых десятин благородные, ржавые грядки.
Ну а в комнате белой, как прялка, стоит тишина.
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала,
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена, —
Не Елена — другая — как долго она вышивала?
Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорогу шумели морские тяжелые волны.
И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный⁴.

Последней строчкой этого стихотворения открывался девятый том собрания сочинений ее учителя М. С. Кагана, который она собирала вместе с его вдовой.

Теперь и Таня возвратилась туда, куда уходят все, кто полон пространством и временем...

---

⁴ 1917 Осип Мандельштам. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов-на-Дону, «Феникс», 1996.